
АЛЛИТЕРАЦИЯ

АЛЕКСАНДРА
ГЕРАСИМОВНА ПАСТУХОВА

Качканар 2000

ПРОКАТИЛСЯ...

Пошатываясь. Путилин прошел по перрону. Подошел поезд. Пробежала проводница. Павел посторонился. Проводница посмотрела подозрительно.

Путилин подошел поближе, потянулся, потрогал подножку, поручень. Подняться? Помедлил.

– Папаша, посадить? – предложили подходившие парни.

– Подсадите, подсобите! – повеселел Путилин. – Поеду, прокачусь!

Парни, похохатывая, подхватили пьяненького, помогли подняться. Паровоз прогудел. Поехали.

– Прощай, папаша! Приятного путешествия! Помни, пиши!..

...Проснулся, поеживаясь. Продрог. Поосмотрелся: поляна, пихты, прогнивший пень. Побаливало правое плечо. Подташнивало. Почему-то поцарапаны пальцы, порван пиджак. Пальто (пуховик) пропало.

Путилин поднапряг память: Поехал поездом. Попутчики попались приветливые! Понятно, пили. Пели «Полюшко-поле». Поспорили, пошумели. Приходил проводник, поутихли. Потом пошел покурить... Подспудно проявилось: полустанок, подножка, подхватили, повели... Потемки, провал...

Путилин покинул пихтач. Прошагал по просеке примерно полчаса. Присел покурить. Постепенно посветлело. Показались постройки. Приободрился. Подошел

поближе – подивился подозрительной пустынности, покою. Понял: поселок пуст. Почему? Пустовали подворья. Погибал покинутый плодовый питомник. Покрылись пылью плоды, перезревшие, погнившие.

Позабыв про первоначальный порыв – попросить помощи, поесть, погреться, – Путилин повернул, поспешил покинуть поселок. Потом побежал.

...Порядочно проплутавшего, продрогшего, проголодавшегося, перепуганного приключениями, Путилина подобрали проезжающие путейцы.

Позднее Павел прознал: поселок поражен, проживающие поспешно пересечены.

*Про печальные приключения
Павла Путилина поведала ПАСТУХОВА.*

ПОЖАЛЕЛ

Полночь. Проходившему по Первомайке патрульному Погонину показался подозрительным притаившийся парень. Погонин пригляделся повнимательней. Парень пытается просунуть палку под пол продуктовой палатки. Патрульному помогли потемки. Потихоньку подкравшись, Погонин поймал преступника. Перепуганный пацан-подросток побежал, поскользнулся, падая, поранил палец.

Патрульный помог подняться, пнул подальше палку.

– Пусти... – плачет парнишка.

Погонин, подумав, проговорил:

– Пойдем, перевяжем.

Парень поверил. Пошли.

Постовой посмотрел пытливо: Попался?

– Пустое, – проговорил Погонин. – Перевяжи пацану палец. – Подошел, погладил по плечу:

– Поберегись, парень. Попадешься повторно – посадят.

– Понял, – прошептав парнишка, поглаживая перевязанный палец.

Погонин, посмеиваясь, подтолкнул пацана:

– Пошел!

Повеселевший парнишка побежал по переулку.

Пожалел! Простил!

СНЕГ

(Сколок со "Сказа")

Солнце садилось. Слабеющее сияние светила, сливаясь со снежной скатертью, скоро совсем слиняло. Сгущались сумерки. Со старой сосны, суматошно стрекоча, слетела сорока, спугнув стайку снегирей. Сонная сова сердито сморгнула. Сорока спешно сообщала: Слушайте! Слушайте! Сухие стылые сучья стучали со-сульками.

С северной стороны слышен скрип саней. Седок со страхом слушал сороку. Сжимало сердце: схватят! Смолкни, сатана, сгинь!

Снег! Слава-те!

Сначала совсем слабый, снег стал сыпать сплошной стеной. Совсем стемнело. Спасительный снег скрывал свежий санный след. Седок сидел, смотря сосредоточенно-сторожно. Силился совладать со сном.

– Стой!

Спугнутый старый Савраска свернул сани. Седок свалился со страшным сознанием случившегося.

Самодовольно скалясь, стоял, сжимая ствол Сухов. Склонился, схватил седока, сказал со смехом:

– Со свиданьем, Сеня!

...Спешно сооруженный сугроб схоронил следы. Сани снова скользили, сменив седока. Спешил Савраска. Скоро село, стойло, сено... Сумеречная стынь. Снег... Снег...

Слышала "Сказ" Саша Сонина.

ПРИХОДИ, ПОДЕШЕВЕЛО!

Плохо проветриваемое подсобное помещение поросло плесенью. Полки прогнили. Продукты, приобретенные прозапас, портились. Пахло прелью. Предприниматель, предполагая подорожание, просчитался. Пиво, простояв порядочно, протухло.

Продавца продуктовой палатки попросили принять пиво, продать подешевле. Постараться побыстрее.

Прослышав про понижение платы, покупатели пива поторопились, прихватив побольше посуды. Продажа пошла. Публика подходила. Последние подталкивали первых, проливали пиво, переругивались. Послышалось: Пену, пену поубавь! Полные платим! Продавец побагровел: Проходи, проходи, папаша! Побыстреей! Предупреждаю, пиво последнее. Продажу прекращаю! Покупатели, переговариваясь, понуро покидали помещение. Пытавшихся пить прямо против палатки, продавец прогонял прочь.

После попившие "пивца" поняли: поднадули! Плевались, понося прохвоста продавца. Повозмущавшись, побежали права покачать. Поздно. Палаточная площадка пуста. Подивились, пошумели, посудачили. Пустое!

Проходивший парень пояснил: Палатку продали, перевезли. Посмеялся: Продавца поищите!

Памяти Алексея Ясинского
Литобъединение. Пермь, 30-е годы

Люда! Свое ты краткое письмо
в одну страницу поместила,
Но так печальное оно,
что я, читая, загрустила.

Оставить эти строки было
не в силах просто без вниманья.
Благодарю, что пробудила
в душе моей воспоминанья.

Прочти нескладный сей букет,
все то, что память подсказала.
За чащей многих долгих лет,
быть может, что-то растеряла.

ПАМЯТЬ

Падает солнышко низко,
Ярко вспыхнув последний раз.
Так же вот мы теряем близких,
что уходят навек от нас.

Завтра чье погаснет светило?
А, быть может, черед за мной?
Не напрасно ли сердце билось,
Чтоб однажды сыграть отбой.

Тяжела этой мысли жгучесть,
что так быстро бегут года.
И тогда неизбежная участь
Вдруг постигнет, Но только когда?

Неуютно и грустно стало.
Прочитала твое письмо
И с тоскою гляжу устало
в затуманенное окно.

А на улице ветер злится,
тучей снежной луну укрыл.
Ночь глубокая, но не спится.
В голове неотступное: был.

Как же: был, а теперь не стало?
Как поверить: навек угас...
И осталось так мало, мало,
И судьба разбросала нас.

НАШИ "СРЕДЫ"

Но ведь в жизни не только беды.
Много радостных светлых дней.
Были славными наши "среды",
круг хороших тогда друзей.
Помню, как мы всегда собирались
в эти наши заветные дни.
Занимались всерьез, а порою смеялись.
А главное были тогда не одни.

Темень в окнах и снега пороша.
Но уютно за нашим столом.
И читает сценарий Алеша
Вдохновенно, всегда с огоньком.

Для разрядки придумывал шутки,
иль в слова затевалась игра.
И мне кажутся эти минутки
недалекими, словно вчера.

Среди нас был товарищ маститый
О Китае рассказывал нам.
Мемуаров свой том знаменитый
преподносит кружку Магарам.

Как-то вспомнилось слово мне "кредо".
Отчего его память нашла?
Оттого, что однажды в среду
с ним филолог в наш круг вошла.

Флегматично настроенный Шоппов
помню, басню мою оценил.
Отвергая критический ропот,
книгу с надписью мне подарил.

Рассадил на колючие ели
Соловьев музыкант-пианист.
Только те соловьи не запели:
Автор был не поэт. Он – артист.

Была поэтесса (забыла
я фамилию только ее),
помогать всем стихами любила,
а молчала про что-то свое.

Но однажды она прочитала
развеселый семейный памфлет.
Мы смеялись над этим немало,
а она не обиделась, нет.

Только я никогда не забуду,
пусть не новые эти слова,
ту веселую юную Люду,
что поэму на "суд" принесла.

Вопросы спорные случались –
Ясинский, наш оригинал,
чтоб мы ни в чем не сомневались,
Москву на провод вызывал.

За сотни верст далекий Костя,
чуть-чуть картавя, разъяснял
доходчиво, спокойно, просто –
и затихал наш шумный зал.

Бывало так же с нетерпением
другого ждали мы звонка.
И Долматовский вдруг Евгений
являлся к нам издалека.

И "сред" таких прошло немало.
Те годы канули в небыть.
А время мчалось, убегало....
И только памяти – ей быть.

Было даже общее фото.
Кто-то всех нас в альбом рисовал,
Кто-то шуткою бросил в кого-то,
Кто-то главы романа читал.

Пусть простят меня те, чьи забыла
имена в эти строки вписать.
Да и лет-то немало пробило –
так примерно уже двадцать пять.

Только жизнь – это день настоящий,
полон личных забот и тревог.
Встречаем мы год приходящий,
выбирая свою из дорог.

А сегодня не стало Алеши,
Нет далекого друга его.
Окно застилает пороша,
и не видно уже ничего.

Ночь к концу, утихает и выюга.
Только я все пишу и пишу
для тебя эти строки, подруга.
Что не так, извини уж, прошу.

Может что-то не очень и складно,
но писала я с болью души.
Что еще бы сказать? Да ладно.
До свидания, Люда, пиши.

г. Качканар 1979 год.